

Девчонки НОЖКИ

ЕГО ДЕМОНЫ
не сорвутся с цепи
БЕЗ ЕЕ СИГНАЛА

18+

ЛЕНА СОКОЛ

New Adult. Темная романтика Лены Сокол

Лена Сокол
Ленты и ножи

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сокол Л.

Ленты и ножи / Л. Сокол — «Эксмо», 2026 — (New Adult.
Темная романтика Лены Сокол)

ISBN 978-5-04-250173-9

Он — опасный хищник, не знающий пощады. А я — его единственная маленькая слабость. И он не успокоится, пока не вернет меня себе. К эксперту-психотерапевту Марку Новаку обращаются лишь в самых сложных и запутанных случаях. Этот — как раз такой: в Калининграде на месте преступления задержана предполагаемая сообщница серийного маньяка Мара Зелинская. Следствию необходимо ее содействие, но девушка до сих пор не проронила ни слова. Согласившись помочь, Марк приезжает в старинный город: здесь воздух пахнет морем, а взгляд задержанной пронзает глубже ножа. Теперь мужчине предстоит попытаться завоевать доверие Мары и выяснить природу ее странных взаимоотношений с убийцей. Но чем больше тайн ему открывается, тем сильнее он сомневается, кто перед ним: изощренная преступница или невинная жертва? «Отовсюду кричат: "Дьявол и его Невеста". Но только вам решать, кто они на самом деле: отверженные миром Бонни и Клайд, обезумевшие Ромео и Джульетта, грешные соучастники или, может, все-таки — монстр и его жертва? Этот психологический дарк романс заставит вас сомневаться, сочувствовать и испытывать поистине шокирующие эмоции!» — Таша Мисник, автор романов «Без стыда» и «Под слезами Бостона»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250173-9

© Сокол Л., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	8
Глава 1. Калининград	9
Глава 2. Калининград	11
Глава 3. Калининград	13
Глава 4. Калининград	16
Глава 5. Невеста	19
Глава 6. Дьявол	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22



Лена Сокол

Ленты и ножи

© Сокол Е., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Посвящается Энн и Бо.

Наверное, только по-настоящему безумные писатели посвящают книги выдуманным ими же персонажам. Что ж, похоже, я одна из них.



Дорогие читатели!

В данном произведении затронута тема религиозного фанатизма. Я описывала ее, опираясь и на собственный опыт в том числе. Несмотря на полученные в юности психологические травмы, я не утратила веры и искренне считаю, что слепая, доведенная до крайней степени приверженность религиозным идеям и связанная с этим нетерпимость к окружающим не имеют никакого отношения к Богу. Это страх, отказ от критического мышления, а также бегство от себя и от реальности.

Если тема религии – ваш триггер, воздержитесь, пожалуйста, от чтения. Берегите свое ментальное здоровье.

Пролог

Сегодня я не планировал никого убивать. Просто сорвался. По правде говоря, это мой первый раз.

Даже не думал, что действительно способен на подобное. Стоило позволить тьме выйти наружу, и последствия потрясли меня до глубины души.

Первое убийство как первый секс – неуклюжее, эмоциональное, а еще никогда не забывается. Возможно, если бы я пытался продумать все детали заранее, то так и не решился бы. А тут... дело случая. Ярость захлестнула меня с головой, а дальше... словно провал.

Я прихожу в себя уже в грязной подворотне.

Мое сердце колотится, словно сумасшедшее. Кулаки ударяются в жирное тело стонущего ублюдка: в живот, в челюсть, в бок, снова в челюсть. А потом в нос – с приятным хрустом. Этот звук чем-то напоминает лопающийся на сковородке попкорн. Кровь брызжет во все стороны, пачкает руки и оседает каплями на моей одежде. Она остро пахнет металлом. К этому запаху подмешивается вонь подгнившего мусора из стоящих рядом баков, а также пот, моча и бетонная сырость.

Урод уже лишился зубов и, кажется, даже не дышит, но я продолжаю молотить его голыми руками, пока совсем не выбиваюсь из сил. Остановившись, чтобы отдышаться, я поднимаю взгляд и понимаю, что натворил.

В месиве из разодранной плоти и сочащейся крови даже родной матери трудно будет узнать того, чью жизнь только что отняли. Одна глазница трупа темна и пуста. Ноги и руки неестественно вывернуты. Я ощущаю смесь приятной усталости и облегчения. Адреналин все еще бьется пульсом в моих висках, но ничто не может омрачить удовольствия от проделанной работы.

Кроме...

Я перестаю дышать, заметив случайного свидетеля.

Она стоит метрах в десяти от меня, на углу дома, и ее глаза тревожно блестят в лунном свете. Девушка, чье лицо кажется мне смутно знакомым, смотрит то ли с интересом, то ли с ужасом. Мне понадобится лишь пара секунд, чтобы настичь ее и заставить замолчать навеки. Кажется, это я и собираюсь сделать как раз в тот момент, когда она переводит взгляд на тело у моих ног и вдруг негромко замечает:

– Тебе нужен нож, с ним проще.

Я теряюсь.

Удивленно уставляюсь на свои окровавленные руки и одежду, затем скольжу быстрым взглядом по изувеченному телу на асфальте. Действительно грязновато. Как теперь добираться до дома в таком виде?

А когда поднимаю глаза, девчонки уже нет. *Она убежала.* В тишине еще слышны ее удаляющиеся шаги.

Мне тоже следует поторопиться, пока на улице никого.

Я вытираю ладони о брюки, застегиваю куртку по самое горло и накрываю голову черным капюшоном. На обратном пути улыбка не сходит с моих губ. Я испытал неподдельное наслаждение от проделанной работы. В сознании все еще маячит картина изуродованного тела, и детали одна ярче другой. Черт, это было даже лучше, чем в фантазиях.

Но едва я отхожу на приличное расстояние и, сбавив шаг, слегка расслабляюсь, перед моими глазами встает образ случайной свидетельницы.

Длинные светлые косы, тонкие плечи, большие пронзительные глаза.

Нужно будет с ней разобраться.

Глава 1. Калининград

Марк Новак бросил взгляд на часы. Он опять опаздывал. Калининград, город его детства, встретил Марка уже подзабытой атмосферой уюта, запахом моря, который пронизывал буквально каждую улочку, и приятным спокойствием. Он назвал таксисту адрес в Ленинградском районе, откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Эти перелеты когда-нибудь его dokonают. Нужно бы уже осесть где-то и перестать мотаться по стране: от усталости он теряет хватку и становится рассеянным. Но только работа с ее бешеным ритмом помогает не думать о болезненном разводе и не лезть на стену от тоски.

– Да? – он ответил на звонок.

За окном мелькали дома в немецком стиле и вывески на русском языке.

– Марк, это Нина, – послышался раздраженный голос местного следователя. – Ты уже на месте?

– Почти, – соврал он.

– Мне только что звонил наш человек из лечебницы. Поляки никак не уймутся: у входа тусуется детектив Шиманьская. Тебя, видимо, поджидает. К фигурантке дела ее все равно не подпустят, и она это знает. Будь с ней аккуратен, ладно?

– Польша ведь тоже отказывает нам в выдаче подозреваемых?

– Верно, так что мы им ничем не обязаны, – усмехается Нина. – Но связь держим и даже обмениваемся информацией, для следствия это крайне важно. Вряд ли Дьявол вернется в Польшу, здесь затеряться проще. Тем более языком он владеет. Эта девица Зелиньская – единственная, кто может рассказать подробности его преступлений. В случае поимки убийцы ее показания будут бесценны.

– Если она заговорит, – напомнил Марк.

– Точно. Для этого ты и едешь к ней – чтобы поговорить.

– А сама что думаешь?

– Никто не верит в наличие у Зелиньской психических расстройств, но плотно психиатры с ней еще не работали. Мы должны выдвинуть ей обвинения, затем суд назначит психиатрическую экспертизу, – призналась Нина. – Если так и будет молчать, только это и останется. Объясни ей, что значит стать подопытным кроликом доктора Орлова, ладно? Будет весь день мычать и пускать слюни в подушку, и о своем кровавом любовничке даже и не вспомнит.

– Значит, ты тоже не веришь в ее невиновность?

Марк постучал ладонью по карманам. Ему смертельно хотелось курить.

– Умоляю, – сказала Нина и цокнула языком. – Я ведь выслала тебе материалы по делу. Прямых доказательств у нас нет, но, надеюсь, получится ее дожать.

Он вздохнул, так и не найдя сигарет.

– А что насчет Шиманьской?

– Будь с ней вежлив. Она назойлива и весьма неприятна, но нам нужна информация о «гастролях» Дьявола и его подружки по Эльблонгу и его окрестностям – вплоть до границы. Шиманьская неохотно делится тем, что у них есть, но засадить этого гада мы сможем только совместными усилиями.

Новак улыбнулся.

– Понял.

Он знал Шиманьскую еще с юных лет. Детектив была именно такой, какой Нина ее и описывала. Только Марк добавил бы к этому пару слов о ее женской привлекательности: рыже-волосая полька еще в пору их учебы в университете сводила его с ума. Если бы не ее крутой нрав, они вполне могли бы стать парой. Хотя чего тут фантазировать: у Новака не было ни единого шанса.

– Касия, – он поприветствовал ее улыбкой, выйдя из такси.

Детектив ждала его на стоянке, упершись бедром в крыло своей старой «Шкоды» и воинственно скрестив руки на груди. Каре, кожаная куртка, обтягивающие джинсы, грубые ботинки и до боли знакомый хмурый взгляд. Он сразу вспомнил, почему не осмеливался подойти к ней во времена их учебы. Ее противозачаточный взгляд еще издали посылал парней подальше.

– Марк. – Она не удосужилась даже приподнять уголки губ в знак приветствия.

Он снова ощутил себя прыщавым юнцом: подойти и обнять ее, словно старый друг, или пожать руку? Что будет уместно? Так и не решив, Марк просто кашлянул, замерев в метре от нее.

– Значит, тебе поручили вести задушевные беседы с этой психованной сукой? – огорчила его детектив.

– Ты про Зелинскую? – Марк улыбнулся. – Говорят, она не проронила ни слова.

Он развел руками, и вдруг что-то где-то рядом громыхнуло. Только через мгновение Марк сообразил, что это собачий лай, раздавшийся из салона автомобиля Шиманьской.

– Ты завела собаку? – спросил он, отойдя на пару шагов назад.

– Тихо, Пес, – рывкнула Касия, хлопнув ладонью по кузову. – Эта зверюга принадлежала одному из погибших. Видимо, приглянулся Дьяволу и его подружке, раз они решили забрать его с собой.

Боже, какая же она все-таки красивая. Десять лет прошло, но время никак не отразилось на внешности Шиманьской.

– И тебе разрешили ее взять?

– Я тоже равнодушна к животным, – призналась она, дернув бровью. – К тому же не могла упустить повод приехать и потрепать о деле – это было позавчера, сразу после задержания.

– Твой русский по-прежнему хорош, – заметил Марк, разглядывая веснушки на ее щеках.

– Не буду спрашивать о твоём польском, – поморщилась Касия. – Разве что стал еще более отвратителен. Если такое вообще возможно. – Она повернулась на крики у входа в лечебницу и разочарованно покачала головой. – Почему у отморожков всегда так много фанатов? Ты знал, что чем больше людей убивает какой-нибудь псих, тем больше женщин мечтает от него родить?

– Что это? – Марк нахмурился, разглядывая толпу с плакатами расхаживающих по кругу и что-то выкрикивающих. – Пикет?

– Они выражают протест против задержания Зелинской. – Касия содрогнулась от отвращения. – Требуют освободить ее из-под стражи. – Она сплюнула и достала сигареты. – Ты уже видел свежие выпуски газет? Знаешь, как их окрестили газетчики? Прирожденные влюбийцы! Нормально? По их мнению, убийства – это так романтично. Люди сходят с ума, раз готовы дрочить на этих психов. – Шиманьская протянула ему сигарету: – Будешь?

– А ты, значит, не веришь в то, что она просто жертва? – спросил Марк, приняв ее и покрутив между пальцев.

– Хочу жрать, – заметила Касия, глядя, как он прикуривает. – У тебя же есть пятнадцать минут?

Глава 2. Калининград

– Надеюсь, твою поездку оплатили? – спросил Марк.

Они сидели за столиком на летней веранде небольшого кафе в ста метрах от медицинского учреждения. Пес лежал у Касии в ногах и недобро поглядывал на Марка. Немецкая овчарка. Не меньше полтинника весом. Новак под его взглядом боялся даже потянуться за вилкой – не то что нечаянно дернуть рукой.

– Хрена с два, – ответила Шиманьская, слизнув с полных губ кетчуп. – Сегодня мой выходной, я приехала за свой счет.

Может, пса интересовал здоровенный бургер в ее руках? Но нет, животное не сводило глаз с Марка. Тот осторожно сглотнул.

– Меня повысили. – Она хлопнула себя двумя пальцами по плечу, указав на то место, где обычно располагаются погоны.

– О, поздравляю, – искренне улыбнулся Новак.

– Да ну. Больше гребаной ответственности, – отмахнулась Касия. И тут же нахмурилась: – А ты чего не ешь?

Он невольно покосился на собаку, на длинном розовом языке которой блестела слюна.

– Пес, хватит, – строго сказала Шиманьская. – Спать.

И тот, повиновавшись, положил голову на лапы. Но отводить от Марка взгляд не спешил. Тогда Новак решил его игнорировать. После почти трехчасового перелета ему нужно было что-то съесть.

– Я тут собрала тебе подарочек. – Касия вытерла салфеткой пальцы и бросила на стол папку.

Она открыла ее, и перед Марком запестрели десятки фотографий с мест убийств. Ну спасибо. А ведь он только занес над тарелкой вилку с пастой и собирался отправить ее в рот.

– Ой, пардон, – усмехнулась Шиманьская.

– Что это?

– Каникулы нашей парочки.

– Значит, ты уверена, что они убивали вместе? – Новак все-таки отложил вилку.

– Вот, посмотри. – Она развернула перед ним карту, на которой маркером были отмечены точки. – Здесь отмечены все убийства, начиная с Эльблонга. Фромборк, затем Торунь, снова Эльблонг и Бранево. И отсюда все вдоль Вислинского залива. – Касия провела пальцем по карте и ткнула ногтем. – Мы понимали, что они хотят пересечь границу, бросили все силы, чтобы им помешать, но сукиным детям удалось нас опередить. Я поняла это, когда русские сообщили о происшествии в Хайлиг... в Мамоново, – поправились она, чтобы не раздражать его лишним раз, называя, как это принято у поляков, старые немецкие или польские названия вместо современных русских.

– А потом они двинулись дальше. – Марк прочертил пальцем на карте невидимую нить, соединявшую Мамоново с Ладушкиным и далее с Ушаково.

– А задержали их уже в пригороде, – сказала Шиманьская, указав на Калининград. – Этот урод сумел свалить прямо из-под носа прибывших полицейских, а его подружка... ты видел ее вообще? – Касия покачала головой. – Больше всего мне не хочется, чтобы ты купился на ее ангельскую внешность! Хитрую суку застали рядом с трупом. Кругом ад и море крови, а на ней – ни капельки!

– Может, она действительно ни при чем?

– Никогда не поверю. – Шиманьская швырнула скомканную салфетку в пустую тарелку. – Слишком долго она колесила по стране в его компании. Неужели не было ни единой возможности сбежать?

– Ну... – Он пожал плечами.

– Что тогда? Долбаный стокгольмский синдром?

– Такого диагноза нет в классификации психических заболеваний, – ответил Марк. – Но у нее действительно могла сформироваться эмоциональная связь с убийцей. Жертвы часто выбирают подобную стратегию адаптации, ведь это более безопасно, чем бороться с агрессором.

– Не знаю, из-за чего эта отмороженная течет по такому уроду. Может, у него хрен затейливо танцует! – Касия наклонилась над столом и понизила голос: – И мне, в общем-то, плевать. Я просто хочу, чтобы она заговорила. Но что еще важнее – хочу признания, что она участвовала в убийствах.

– Возможно, у ее молчания есть другая причина, – предположил Марк.

– Так заставь ее все рассказать, – сказала Касия, прищурившись.

– Хорошо.

Есть ему совсем расхотелось.

– Платишь ты, – деловито заметила Касия, откинувшись на спинку стула.

– Конечно, – согласился Марк.

И даже при таком раскладе ему с ней ничего не светило.

– Хочу кофе, – пробормотала Шиманьская, отыскивая взглядом официанта.

Глава 3. Калининград

Итак. Что у нас есть?

Задержанная, которая отказывается разговаривать. По словам свидетелей, эту девушку видели на местах преступлений. Она сопровождала безжалостного убийцу на всем пути его кровавого путешествия. Из отчетов судмедэкспертов, которые Новак уже успел просмотреть, следовало, что маньяк постепенно набивал руку, оттачивая свое мастерство и формируя почерк убийцы. И никаких доказательств, что в расправах над жертвами действовали двое.

Их застали на последнем месте преступления. Ему чудом удалось скрыться, а девушку задержали. Она была ужасно напугана и выглядела потрясенной. Первые сутки ее держали на успокоительных, затем попытались допросить, но Мара Зелинская словно не слышала, что ей говорят. Закрылась в себе, отказалась спать и принимать пищу. Сейчас ее содержат в лечебнице закрытого типа под усиленной охраной.

Марк облизнул пересохшие губы и поправил галстук.

Перед тем как войти в ее палату, он сделал глубокий вдох. Бесплезно что-то планировать – все равно все пойдет не так. Ему нужно просто завоевать ее доверие. Больше ничего.

– Не бойтесь, она даже не взглянет на вас, – усмехнулся охранник.

– Я и не боюсь, – ответил Новак. Снял пиджак, развязал галстук и положил их на скамью при входе. Затем закатал рукава: его образ должен казаться менее официальным. – Я настраиваюсь, – объяснил он.

Под окнами продолжала бесноваться толпа.

– Ей плевать на убитых, она ни в чем не раскаивается, – презрительно поморщился охранник и покачал головой.

Все вокруг были убеждены, что знают, что творится в голове у задержанной. Но Марк привык во всем разбираться сам, а потом уже делать выводы.

– Иначе бы она сразу заговорила, – добавил мужчина.

– Не все всегда так просто, как кажется, – заметил Новак, пожав плечами.

– Хочет, чтобы ее признали невменяемой, – со знанием дела сказал тот. – Какой нормальный человек захочет стать невестой маньяка?

Марк вспомнил слова Касии о том, что газетчики дали девушке прозвище Невеста дьявола. Было еще Кровавая невеста. Даже и не знаешь, что хуже. Интерес прессы к Зелинской иссякнет еще не скоро, поэтому, когда дело дойдет до судебного процесса, можно ожидать новых мерзких прозвищ.

– Думаю, мне нужно для начала ее увидеть, – сказал Новак, понизив голос.

– О, если ангел смерти и существует, то выглядит он точно как эта девица, – заговорщически прошептал охранник и усмехнулся.

Что бы это ни значило, Марк собирался сделать свои собственные выводы.

– Прошу, – тот открыл ему дверь.

В ту же секунду психотерапевт заметил, как фигура на постели вздрогнула от лязга замков на двери. И сжалась в комок. Девушка даже не повернулась, чтобы посмотреть, кто вошел. Лишь крепче обняла свои колени руками и зажмурилась, словно пытаясь переждать опасность.

– Спасибо, останьтесь снаружи, – сказал Новак охраннику, который собирался встать в дверях. – Я справлюсь.

– Но... – пробовал возмутиться тот.

– Помощь не потребуется, – жестко произнес Марк.

Обведя его недовольным взглядом, охранник вышел и закрыл за собой дверь. В палате с небольшим зарешеченным окном под потолком воцарилась тишина. Психотерапевт внимательно оглядел помещение: кровать, тумбочка, небольшое кресло. Больше ничего. Девушка

сидела на постели, прислонившись к стене и обняв ноги. Она прятала лицо в коленях, низко склонив голову, словно защищаясь.

– Здравствуйте, – обратился он к ней на польском.

Зелинская еще крепче вцепилась в ноги. Ее пальцы побелели.

– Меня зовут Марк, – представился психотерапевт, – я здесь, чтобы побеседовать с вами. Позвольте, я присяду?

Она не ответила. Он слышал, как тяжело девушка дышит. Выждал немного и медленно опустился в кресло напротив нее. Теперь, когда их глаза были на одном уровне, ей должно было стать немного спокойнее.

– Я – психотерапевт, – объяснил Марк. – Я не буду осуждать или запугивать вас. Моя задача – помочь вам.

Он давно не говорил по-польски, поэтому слова с трудом складывались в предложения. С тех пор как мать умерла, ему не с кем было практиковаться. Но, похоже, девушка понимала: она осторожно приподняла голову и посмотрела на него.

И было в ее взгляде что-то такое... черт, у него даже пересохло в горле. Глаза у девчонки были нежно-голубого оттенка, который можно было встретить лишь в водах Балтики. Они то отливали теплой синевой, то окрашивались в нежно-зеленый. И блестели, словно она вот-вот расплачется. Бездонные, прозрачно-голубые, большие глаза в обрамлении длинных светлых ресниц.

Ух ты.

Его сердце больно толкнулось в ребра. Он готов был поклясться, что видит перед собой падшего ангела. Некогда невинного, а теперь изгнанного с небес за непослушание.

Мара Зелинская была еще красивее, чем на фотографиях в прессе: фарфоровая кожа, кукольное лицо, окаймленное длинными, волнистыми светлыми волосами, тонкие руки и ноги. Новак смотрел на нее, боясь даже моргнуть, – вдруг за ее спиной померещатся крылья.

– Как... э... – ему пришлось прочистить горло, – как мне вас лучше называть: Марья или Мара?

Что-то такое блеснуло в ее взгляде: то ли испуг, то ли раздражение. Марк и не понял, но это точно была реакция.

– Мара? – переспросил он.

Теперь она смотрела на него во все глаза. С интересом изучала его лицо, но отвечать не спешила.

– Хорошо, – Марк кивнул. – Давайте помолчим вместе.

Девушка шумно выдохнула, словно соглашаясь. А затем перевела взгляд на дверь, за которой стоял охранник. Его силуэт виднелся в дверном окошке. Новак заметил, как дернулся уголок ее губ. Она явно воспринимала здешний персонал и приставленную к ней полицейскую охрану как угрозу.

– Если вы хотите, мы можем выйти, прогуляться в холле, – сказал Новак. – Мы будем только вдвоем, они не пойдут за нами.

Мара поджала губы. Она ему не верила.

Он тепло улыбнулся.

– Я вижу, что вы чего-то боитесь. Но мне вы можете доверять. Честно.

Она так тяжело вдохнула, словно ей было больно это делать, а затем резко выдохнула. Ее пальцы медленно разжались, но челюсти оставались стиснутыми. А в глазах сквозило такое отчаяние, словно девушка расходовала последние силы на то, чтобы оставаться в сознании.

– Я могу попросить его свалить к чертовой матери и не отвечать, если он вас так напрягает, – сказал Марк, кивнув в сторону двери.

Ее зрачки расширились, губы дрогнули. Она определенно реагировала. Едва заметно качнула головой, а затем отвернула взгляд к окну.

Отлично. Это уже что-то.

Они сидели в полной тишине не менее пятнадцати минут, пока девушка не решила сменить позу. Слегка вытянула ноги, расслабила руки, и вот тут Новак заметил то, чего не было в отчетах, которые ему присылали. Из-под пижамной сорочки мелькнули ее запястья – изувеченные шрамами и в некоторых местах сильно обожженные.

Намеренно ли коллеги скрыли эти детали или специально, оставалось только гадать. А сейчас он был поражен увиденным. И, судя по тому, как дернулась Мара, натянув рукава на пальцы, она перехватила его взгляд и уловила его потрясение.

Что же пережила эта девушка? Новак был заинтригован. Похоже, все было не столь однозначно, сколь представлялось полицией и прессой. Теперь Марку хотелось знать больше.

– Хорошо. Мы поговорим, когда вы будете готовы, – произнес он и поднялся с кресла. – Рад был познакомиться.

Марк сделал несколько шагов по направлению к двери, и тут послышался ее дрожащий голос:

– Пообещайте, что он меня не найдет.

Она произнесла это по-русски. С легким акцентом.

Марк обернулся. Внимательно посмотрел в ее глаза. Девушка выглядела не на шутку испуганной.

– Здесь вам ничто не угрожает, – серьезно сказал он.

– Я буду говорить с вами, – решительно, но тихо прошептала она.

– Хорошо. Я приду завтра, – ответил Марк и улыбнулся.

Покидая ее палату, он ощущал странный трепет в груди. Он обязательно поможет этой девушке. В первую очередь нужно разобраться с тем, что ее пугает. Как бы ни было сложно вспоминать, именно проживание травмирующего прошлого может помочь Маре вернуться к нормальной жизни.

Глава 4. Калининград

Марк Новак проснулся с жуткой головной болью и первым делом нарушил сразу две рекомендации своего лечащего врача. Первую – не пить кофе на голодный желудок, чтобы не допустить скачков кортизола, и вторую – бросить курить. Сигарета с двойным эспрессо – единственное, чем он мог доставить себе удовольствие.

Он вышел на балкон с чашкой и закурил. Выдохнул дым, сделал глоток горького кофе и вздохнул.

Теперь каждое его утро было похоже на это. Одинокий номер в отеле, смятая постель, головная боль и сигарета. Никаких семейных дел и обязательств. Жена ушла, забрав при разводе недвижимость, пятилетнего сына и весь запас его нервных клеток. Кажется, исчезновение его утренних стояков тоже как-то было связано с ней. А может, с плохими сосудами. Марк точно не знал, но его член в последнее время вяло реагировал даже на фантазии о случайном сексе с незнакомками из бара, и это пугало.

Может, бывшая его заколдовала?

Нет, это все чертова усталость. Кто заставлял его вчера сразу с дороги и после посещения лечебницы до двух ночи читать полицейские отчеты и показания свидетелей? Как будто нельзя было это сделать позже. Но после знакомства с Марой Зелинской Марк больше не мог думать ни о чем другом. Перед внутренним взором так и стояло ее лицо – открытое, перепуганное, нежное. И ее образ никак не вязался с тем, какой эту девушку пытались представить полицейские.

Возможно, он потерял нюх. Или она его чем-то зацепила. Но Марк Новак с трудом мог думать о ней как об обычной пациентке. Она таковой и не была – слишком уж дело громкое. Но того, что все его мысли после их встречи крутились вокруг этой хрупкой девушки, нельзя было отрицать. Его тянуло к ней – в любом из смыслов: как специалиста, которому хотелось покопаться в ее голове, и как мужчину, который жаждал узнать ближе ту, от кого невозможно было отвести взгляд.

Он съел в одиночестве сэндвич, принял душ, надел чистую рубашку и новые брюки. Даже причесался. Мысленно накидал конспект с планом беседы, если та вообще состоится, и поехал в Ленинградский район.

– Братишка, ты ведь знаешь, что нужно быть осторожным с колюще-режущими предметами, – покосившись на ручку, закрепленную на блокноте психотерапевта, заметил охранник.

Сегодня это был другой сотрудник, намного моложе и стройнее.

– Это безопасная ручка, – раздраженно сообщил Марк и поправил прическу.

– Она – убийца, – проговорил парень, понизив тон.

– Были случаи, когда она проявляла агрессию? – нахмурился Новак.

– Э... нет. – Парень задумался. – Но ты ведь в курсе, кто эта девка? Должно быть, хитрая, как сатана!

– Спасибо, буду осторожен, – нетерпеливо пробормотал Марк и устался на дверь.

Охранник повернул ключ в замке, заскрипели петли. Новак почувствовал, как перехватывает дыхание. Желудок тоже сжался. Он редко волновался перед встречей с пациентами, поэтому реакцию его организма вряд ли можно было назвать типичной.

– Удачи, – усмехнулся паренек.

Марк проигнорировал его слова. Он прошел в палату и опустился в кресло – Новак намеренно выбрал это место для встречи, не стал тащить ее в комнату для бесед, ведь здесь ей точно будет комфортнее, а это сейчас важно.

Девушка сидела на постели в той же позе, что и вчера. Словно не ложилась спать и даже не двигалась. Лязгнула дверь, и она уставилась на Марка своими бездонными, точно два провала, глазами. Мара выглядела так, будто уже несколько дней не спала.

– Привет, – тихо проговорил он.

И от волнения слишком громко сглотнул. Марк смотрел на нее, вбирая взглядом каждую подробность, словно пытаясь запечатлеть в памяти. Ее красивые губы были сухими и искусанными, под глазами пролегли темные круги. Кажется, с момента задержания она скинула несколько килограмм, и от этого выглядела изможденной.

– Привет, – выдавила Мара по-русски.

По ее плечам пошла дрожь.

– Вам холодно? – спросил Марк.

– Нет, – девушка мотнула головой. – Все в порядке.

Он решил не доставать пока блокнот, она еще не готова. Для начала ей нужно расслабиться.

– Вы вчера сказали, что не хотите, чтобы он вас нашел, – произнес Марк. – Вы имели в виду Яна Копача?

Ее зрачки испуганно расширились – мгновенная реакция на выброс адреналина в кровь. Девушка испытывала сильный стресс при упоминании имени убийцы. Вместо ответа на вопрос она прикусила губы.

– Все хорошо, не волнуйтесь, – мягко сказал Марк. – Охрану лечебницы осуществляет полиция, вам ничто не угрожает. К тому же этот человек в розыске, все местные ищейки стоят на ушах. Он не сунется в людное место. А если попробует, его тут же задержат. На каждом этаже санитары и охрана, а у входа на территорию – десяток вооруженных людей. Вы здесь в безопасности.

Мара будто уже не слушала, она смотрела в сторону окна, поверх древесных крон, царапавших небо.

– Вы можете расслабиться, – проговорил Марк и стиснул зубы. Зря он ее напугал, теперь из нее не вытянешь и слова, а ведь задача была обратной. – Хотите сигарету?

Она колебалась лишь пару мгновений, а затем кивнула.

Он достал из кармана пачку и протянул ей одну. Девушка спустила с постели стройные ноги и села на край. Взяла сигарету и зажала ее своими аккуратными белыми зубами. Марк достал зажигалку, наклонился вперед и зажег пламя. Мара прикурила ее, неотрывно глядя на него. Этот жест был таким эротичным, что мужчина невольно представил ее стоящей на коленях и берущей в рот его член. И почему все невинное вызывает у людей столь греховные мысли?

Девушка смущенно отвела взгляд, словно прочитала их. Уголки ее губ слегка приподнялись. Это была улыбка?

– Вы спрашивали про имя. – Ее голос звучал надтреснуто и хрипло, словно она мучилась от жажды. – Марыля – это от библейского Мария. Я из верующей семьи. Даже чересчур верующей. – Она обвела грустным взглядом стены. – Поэтому я предпочитаю Мара.

– Звучит красиво.

В воздухе повисла тишина. Девушка смешала ее с дымом, выпущенным с полных губ. Ее пальцы тряслись, каждый вдох будто давался с трудом. Она, видимо, погрузилась в тяжкие воспоминания, но Марк не спешил лезть с расспросами. Не хотел, чтобы такое хрупкое, с трудом установившееся доверие рассыпалось в пыль. Пусть это займет больше времени, но он надеялся, что девушка ему откроется.

Через полминуты Мара будто отпустила тяжелые мысли и снова оказалась с ним в палате, наполненной дымом. Ее лицо изменилось как от физической боли.

– Под потолком датчик, – тихо проговорила она, – если он сработает, у вас будут проблемы.

Марк бросил взгляд на окно. На нем даже ручки не было – не откроешь.

– Это ерунда, – сказал он.

Девушка сделала еще затяжку, выдохнула и плотно сжала губы. Она буравила его взглядом, в котором сквозило дикое отчаяние, и Марк тоже не мог отвести от нее глаз. Дым клубился в воздухе, все выше поднимаясь к потолку.

– Ничего, если я буду иногда переходить на польский? – вдруг спросила Мара. – Иногда не получается подобрать слов.

– Конечно. – Он кивнул. – Но ваш русский прекрасен.

– Наши языки похожи. – Она пожала тонкими плечами. – Выучить было легко.

– Вам самой захотелось?

– Да. Я всегда была любознательна, – призналась Мара. – К тому же моя бабушка по материнской линии была русской и часто говорила со мной в детстве на этом языке.

Она захватила губами сигарету и глубоко затянулась, но не спешила выдыхать дым. Как будто хотела, чтобы он сильнее пропитал ядом ее легкие.

– Так, значит, ваша семья религиозна? – решив сгладить неловкую паузу, спросил Марк.

Что-то такое промелькнуло в ее взгляде, отчего ему захотелось поежиться.

– Знаете, Марк, не всем дано быть хорошими родителями, – скорбно произнесла девушка. – Если у тебя в голове нет ничего, кроме религии, она становится отравой. Для тебя самого и всех вокруг. – Она держала сигарету на весу, даже не чувствуя, как пепел осыпается на ее изящные, длинные пальчики. – Я всегда чувствовала себя чужой в этой семье. Мои младшие сестры каждый раз так светились, докладывая родителям за ужином о том, как Иисус помогает им. А мне в этот момент казалось, что меня подкинули. Я не видела Иисуса и не ощущала его помощи или присутствия. Иначе бы он пришел и забрал меня из этого ада.

Она улыбнулась. Едва заметно. И эта улыбка была такой горькой, что Марк моментально ощутил вину за свой вопрос.

– Когда Ян появился в моей жизни, я была опустошена и почти сдалась. Я...

Девушка осеклась на полуслове и вздрогнула, когда пепел снова обжег ей пальцы.

– Черт! – Она стряхнула его на пол.

– Давайте поговорим о том, что вам приятно, – предложил Марк.

Но тут запищал датчик под потолком.

– Я знаю, зачем вы здесь, – быстро заговорила Мара. Она швырнула окурок на пол, и Марк придавил его носком ботинка. – Чтобы решить мою судьбу. И это понятно. – Девушка нервно заправила спутанные пряди за уши и придвинулась ближе к краю кровати. – На случай, если мы больше не увидимся: я никого не трогала и пальцем. Слышите? Я не убивала. Мои руки чисты.

Лязгнула дверь, в палату вошел охранник.

– Эй, вы что, курили здесь? – рявкнул он на Новака.

Его пациентка уже сидела в прежней позе, прижав спину к стене и обняв ладонями колени. Она не сводила с него пронзительного взгляда. И он кивнул ей вместо ответа.

– Простите, дурная привычка, – спокойно объяснил он охраннику. – Задумался. Забыл, где нахожусь.

– Думаю, вам лучше покинуть палату, – сурово ответил тот. – Главный врач ждет вас к себе на разговор.

Глава 5. Невеста

Несколько месяцев назад мне исполнилось восемнадцать, но мать все еще считает своей святой обязанностью вплетать утром белые ленты в мои косы. Честно говоря, мне уже плевать, что они с отцом делают и как я выгляжу. Мне надоело. Я больше не нахожу в себе сил оказывать им сопротивление.

– Не вздыхай, – строго произносит она, туго натянув мои волосы. – Кому понравится такая растрепанность?

Я стискиваю зубы от боли.

– И выпрями спину! – ворчит мать, ткнув меня кулаком меж лопаток.

А ведь я все еще могу сбежать из дома. Может, так и сделать? Но куда мне пойти? Где ночевать, как заработать денег?

– Да выпрямись ты! Ох, и за что же мне такое наказание?!

– Марыля попадет в ад! – визжит Божена, моя младшая сестра, бегая вокруг нас. – Марыля попадет в ад!

– Где мои колготки? – хнычет Ханна, средняя сестра.

Им пять и семь лет соответственно.

– Лучше поспешите, иначе опоздаем, – говорит мать, закончив с моей прической. – Одевайтесь, девочки!

Каждый день в семь тридцать она отводит их в детский сад, а я отправляюсь на учебу. Мне остается доучиться несколько месяцев, а потом... потом неизвестность. Как говорит отец, ни один приличный юноша не пожелает взять в жены такую распутницу, как я. Мы переехали в Эльблонг полгода назад, а он все еще трясется, боясь, что сюда доползут слухи о моем прошлом.

Ему пришлось продать нашу ферму под Торунем, чтобы перевезти нас сюда, и теперь вместо травы и неба я каждый день вижу мощные узкие улочки и старинные каменные дома, от которых меня уже тошнит.

Зато здесь никто не догадывается о том, что я напасть этой семьи. Ее величайший позор и наказание. Родители надеются, что никто и не узнает. А я... А мне все равно.

И, думаю, Богу тоже плевать.

Ему вообще наплевать на нас в принципе.

– Тебе пора, – мать вешает мне сумку на плечо и подталкивает к двери.

Сестры галдят, точно воробьи. Одна ищет свои туфли, вторая психует, что не получается завязать шнурки. Я останавливаюсь в коридоре, чтобы бросить взгляд в зеркало.

Застегнутая наглухо рубашка, запрошенная в унылую юбку длиной до колена. Белые носочки, громоздкие лоферы и эти тупые косы. Я с ними похожа на идиотку. Даже и не помню уже, когда в последний раз выглядела нормально. Забыла, какой была до всех этих событий.

– Учись прилежно, Марыля, – бросает мне мать на прощанье. – И да поможет тебе Бог!

– Ага, – бормочу я, выходя на улицу.

Здесь, в старом городе, дома так тесно прижаты друг к другу, что кажется, будто вся улица – один сплошной дом. Но это не так. Какие-то домишки совсем крошечные, другие – побольше. В одних живут богачи, в других люди еле сводят концы с концами. Некоторые жильцы держат лавки и кафе на первых этажах, а иные организуют притоны – потому что туристов интересуют не только музеи: на запрещенке можно неплохо заработать. Каждый крутится как может. Зато с виду – культурно, чисто и тихо. Как мое отражение в зеркале.

Выйдя, я первым делом бросаю взгляд на дом напротив. Все знают, что скрывается за этим скромным фасадом. Отец говорит, что там живет Антихрист. Мать запрещает нам с сестрами смотреть в его окна, ведь дьявол не дремлет – он искушает нас каждую секунду. Но все,

что я вижу, это неустроенная женщина средних лет по имени Надя. Вечерами к ней приходят мужчины. Озираются по сторонам прежде, чем войти. Остаются ненадолго, выходят довольными.

Мне нравится думать, что она, как и я, просто жертва обстоятельств. Или мужской хитрости и власти. Этот мир вообще заточен под мужчин, и женщинам часто приходится принимать правила игры, чтобы выжить.

Уже отойдя от дома на пару десятков метров, я оборачиваюсь. Вдоль красных кирпичных стен скользит фигура – парень в темных джинсах, черной куртке и низко надвинутым на лицо капюшоне. Он вроде молодой. Я делаю этот вывод, наблюдая за его походкой. Она осторожная, но легкая. Я бы даже сказала, уверенная. Но вот лица не видно. Он смотрит себе под ноги.

Останавливается у Надиного дома. Короткий стук в дверь, и та отворяется, затягивая внутрь его темный силуэт.

Интересно. Я прежде не видела, чтобы к соседке заходили молодые клиенты. Мне хочется рассмотреть его ближе. И я ухожу, с трудом поборов в себе желание вернуться и заглянуть в окна ее дома.

По пути в церковно-приходскую гимназию при костеле Святого Миколая я сворачиваю к стадиону местного колледжа, чтобы пару минут постоять у забора и понаблюдать за сверстниками, у которых нормальная жизнь. Я тоже когда-то нормально одевалась, вела соцсети и вот так смеялась, сидя с подругами на скамье в школьном двореке. Несколько раз даже сбегала из дома на вечеринки к друзьям, пробовала алкоголь и сигареты.

Я не была популярной девчонкой. У меня было не особо много друзей, но они хотя бы были. А в Эльблонге вообще никого. В моем классе в гимназии учатся одни девушки, и у нас с ними не так уж много общих тем.

Сейчас я наблюдаю за теми, у кого есть настоящая жизнь. Они свободны. Нас разделяет забор, но кажется, будто мы из разных вселенных. Мне хочется быть как они. Там, среди них, мое место. Но, подавив в себе этот проблеск желания, я отправляюсь на учебу.

– Эй, монашка! Ты из какого века? – орет мне какой-то парень.

Я бросаю на него взгляд. Он симпатичный.

– Покажешь, что у тебя под юбкой? – смеется парень.

Они все одинаковые. Но я ловлю себя на мысли, что показала бы ему что угодно, если бы он увез меня отсюда на своей потрепанной «Вольво».

– Отстань от нее, – хлопает его по плечу друг, – она из гимназии.

– Говорят, девчонки из гимназии трахаются лучше всех, – ржет тот, не сводя с меня взгляда.

Я ухожу, чувствуя, как чертовы ленты, словно поводья, тянут меня на дно. Корни волос трещат от боли – так сильно мать затянула косы. Словно это была удавка или пояс верности, призванный уберечь меня от новых ошибок. Ее можно было понять. В их с отцом представлении у человека могло быть лишь два жизненных ориентира – семья и вера. Если появлялись какие-то другие интересы, их следовало немедленно выжечь из сознания. Физической болью и молитвой.

Со мной нужно было что-то делать. Ведь я отбилась от рук, попала в ловушку, расставленную дьяволом. Они искренне верили, что спасают меня. Но ни один из них даже не задумывался, что я чувствую на самом деле.

Глава 6. Дьявол

Сука. Какого черта я приехал в этот Эльблонг и приперся сюда, в этот грязный дом?! Наверное, мне просто нужно было ее увидеть. Нужно было понять, почему она так поступила. Зачем отказалась от меня, чем обрекла на жалкое существование в гнилом сарае возле старого деревянного дома, пропахшего плесенью и мышиным пометом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.